

Александр Филиппов

Избранный

Повесть

Александр Филиппов

Избранный

«Издательские решения»

2015

Филиппов А.

Избранный / А. Филиппов — «Издательские решения», 2015

Главный герой книги – врач-хирург Корнев неожиданно получает шанс вырваться из кабалы полунищенского существования, став депутатом Государственной Думы. Пройдя сквозь жёсткую избирательную компанию, он добивается победы, но её цена оказывается слишком высокой.

© Филиппов А., 2015

© Издательские решения, 2015

Содержание

1	6
2	10
3	14
4	18
5	22
6	26
7	29
8	34
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Избранный Повесть

Александр Геннадьевич Филиппов

© Александр Геннадьевич Филиппов, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

1

Октябрьский ветер был колюч и обжигающе-ледянист. Тяжелые снеговые тучи ползли над городом низко, словно вражеские бомбардировщики, надвигались неотвратимо, цеплялись лохматым подбрюшьем за крыши домов и вырубленный из куска гранита высоченный памятник Ленину, осыпая стальные плечи вождя и кучку озябших людей у его подножья холодным и злым дождём.

Мокрые полотнища флагов – истерично-красных, кэпэрээфовских, вперемешку с умиротворяюще-синими, профсоюзными, плескались и хлопали редкими пистолетными выстрелами, рвались из рук митингующих, и бодрый старикан, с видимым трудом удерживая над головой качавшийся маятник фанерный транспарант, повернув к доктору Корневу багровое, иссечённое дождевыми иглами лицо, крикнул:

– Вот погодка-то, а, товарищ?! Прямо как в семнадцатом годе! Пора, пора трудящимся у буржуев назад власть отбирать!

– Угу, – нахохлившись, гукнул филином доктор, не соглашаясь и не противореча, а так – что б отвязался.

Старичок не унялся, обежал вокруг, нацелил на неразговорчивого собеседника толстые, в брызгах дождя, линзы очков, спросил азартно:

– А вы, товарищ, из какого профсоюза будете?

– Из медицинского, – буркнул Корнев и стал пробираться ближе к трибуне – подходила его очередь выступить.

Он никогда не был завсегдатаем подобных мероприятий, избегал их, а сейчас вот занесла нелёгкая, или, точнее, стакан тёплой водки, выпитый натошак, сразу после ночного дежурства.

Пить с утра, конечно, не следовало. Тем более потому, что после бессонной ночи его ожидал не менее суматошный рабочий день. Ибо доктора, в отличии от прочего служивого люда, отдежурив ночную смену не уходят усталой походкой выполнившего свой профессиональный долг человека домой, а остаются в родной больнице, и вкалывают по полному графику : принимают больных, консультируют, делают обход закреплённых за ними палат, разве что в плановых операциях, как правило, не участвуют... Впрочем, как сложится день, а то, бывает, и подменяют заболевшего коллегу, и опять – к операционному столу.

Вот и Корневу расслабляться сегодня утром никак нельзя было, но...

Дежурство оказалось тяжёлым. После пары вывихов, перелома бедра, резаной раны живота, глубокой ночью уже, доставили на «скорой» бритоголового битюга с проникающим ранением сердца.

Привезли его из сауны, где кто-то из собутыльников воткнул ему в грудь длинный и острый, как шпага, из нержавеющей «пищевой» стали шампур.

Пока Корнев осматривал бегло не подающее признаков жизни, с нитевидным пульсом, тело, дружки раненого – такие же коротко стриженные крепыши, толпились в приёмном покое, обещая разнести «эту богадельню» и похоронить медиков рядом со своим кентом, если тот, не дай Бог, «двинет кони». Потом, когда пострадавшего увезли на каталке в операционную, парни передислоцировались на больничный двор, где ожидали исхода операции, грозно урча мощными двигателями навороченных джипов.

– Зря вы с этой братвой связались, – шепнула, улучив момент, Корневу многоопытная фельдшерица из приёмного отделения. – Я бы вписала в журнал «доставлен труп», и взятки гладки. А этих, – кивнула она в сторону бритоголовых, – милиция успокоит. Я уже позвонила в дежурную часть, сейчас наряд приедет.

– Да ладно, – махнул рукой доктор, – попробую. Авось залатаю...

Разгорячённый перепалкой со скандальными сопровождающими раненного, Корнев, подойдя к столу, успокоился сразу. Посвистывая под марлевой повязкой, обработал йодом операционное поле в области раны, начертил зелёной линией предстоящего разреза, затем рассёк послойно кожу, межрёберные мышцы.

– Как он? – бросил анестезиологу.

– Терпит, – ответил тот, колдуя над своей пыхтящей, тикающей и чавкающей аппаратурой.

Корнев вскрыл перламутрово-розовый перикард, отсосал вакуумным насосом кровь, и сразу увидел рану в правом предсердии – небольшую колото-резаную, кровоточащую обильно. Решительно ушил ее кетгутом, крепко стянув края, вколол в мышцу сердца иглу, впрыснул шприцом адреналин. Опять глянул мельком на анестезиолога.

– Как?

– Затикало сердечко, как часики! – удовлетворённо кивнул тот.

Ещё час спустя Корнев вышел из операционной, стянул с лица марлевую повязку, сбросил с ног бахилы.

В кинофильмах в такие минуты к доктору кидаются друзья и родственники больного, и хирург, закурив, деланно-равнодушно объявляет им, устало взмахнув рукой: «Жить будет!»

В реальной ситуации после тяжёлой операции на сердце заявить так-то вот, определённо, будет жить больной, или нет, не может ни один уважающий себя врач.

Но братки, сопровождавшие пронзённого шампуром товарища, представляли работу докторов, видимо, всё-таки по фильмам, и потому, когда Корнев, спустившись в приёмный покой, сказал им:

– Мы сделали всё возможное. Будем надеяться на лучшее, – один из них схватил хирурга за грудки.

– Смотри, коновал хренов... Если наш Петюнчик хвоста нарежет – я тебя на тот свет следом за ним отправлю!

Корнев стерпел, расправил измятый лапами «бультерьера» халат, попрощался вежливо и поднялся в палату интенсивной терапии, где пребывал в отключке под приглядом бдительных реаниматологов прооперированный пациент. Убедившись, что с ним всё в порядке, доктор зашёл в ординаторскую. Там, несмотря на строжайший запрет главврача дымить в служебных помещениях, закурил, неловко стряхивая трясущимися пальцами сигаретный пепел в приспособленную для этого стеклянную чашку Петри.

Потом, решившись, открыл скрипучую дверцу шкафа обшарпанного однотумбового стола, достал непочатую бутылку презентованной накануне одним из выздоровевших больных водки, налил половину гранёного стакана и медленно выпил до дна. Шурша фольгой, развернул того же происхождения плитку шоколада и, морщась от сладкой горечи во рту, зажевал.

Через минуту-другую стало легче, сердце застучало бойчее, тупая сонливость отступила, кровь заструилась по сосудам веселее.

За окном светало. Пока не пришли на работу коллеги, Корнев догнал себя ещё половиной стакана, опять закурил, широко распахнув форточку и впуская в пропитанный больничным запахом ординаторскую свежий осенний воздух. Потом спрятал, бережно завернув винтовую пробку, початую бутылку в стол, и принялся быстро вписывать неразборчивым, летящим «врачебным» почерком протокол операции в историю болезни.

А ещё полчаса спустя, когда в ординаторскую стали один за другим входить пришедшие на работу доктора, Корнев был уже осязаемо пьян. Вскоре – не иначе, как кто-то из коллег стукнул, – его вызвал в свой кабинет главный врач.

Листая тощенькую, не разбухшую ещё от многочисленных записей и подклеенных результатов анализов историю болезни прооперированного Корневым братка, главврач начал издали, с подвохом.

– Ловко ты, Геннадий Михайлович, с таким сложным ранением справился... Другой бы всех на ноги поднял – меня, профессию, главных специалистов, завотделением... Созвал консилиум... А то и наоборот, вовсе не суетился, рана то несовместимая с жизнью! А ты, мне уже рассказали, посвистывая, дырку в сердце заштопал, запустил мотор и парнишка живёхонький.

– На всё воля божья, – осторожно, стараясь не дышать на главного водочным перегаром, потому и смотря в сторону, ответил Корнев.

– Нет, как говорится, Бог-то Бог, да и сам не будь плох! Да... руки у наших докторов золотые, только вот... мозги не всегда трезвые!

Корнев конфузливо кашлянул в кулак.

– Думаешь, таблетку валидола сгрыз, и запах отбил? – усмехнулся недобро главный. – Нет, милочка. Не отбил. Это я на себе испытал – по молодости. Тоже, бывалыча после операции дёрну стопарик спирта с глюкозой и аскорбинкой – для настроения и поддержания сил, и на обход, в палату. А больные видят – доктор-то пьяный! Ну, простили по тем временам. Я ведь в районной больнице хирургом начинал. Так, поверишь, в первый год у меня даже одежды зимней не было – я до весны из стационара не выходил. Там и жил в свободной палате... Да... А со спиртом вовремя завязал. Иначе бы либо спился к сорока годам, либо от инфаркта скончался. А так, как видишь, жив, здоров, до главврача дорос, через год – на пенсию выхожу. А может, и не выйду, ещё поработаю... Тебе, Геннадий Михайлович, сколько сейчас?

– В декабре сорок.

– Вот, самый возраст! Я бы тебя, между нами говоря, к себе в замы взял... Но какой ты зам, коли от тебя разит с утра, как из пивной бочки...

– Пива я не пил, – покаялся Корнев. – Водочки чуть-чуть с устатку.

– Ах, он, видите ли, устал! – вскинулся вдруг главный. – Всю ночь на передовой, под обстрелом, раненых спасал! Да вы, молодые, и не знаете, что такое настоящая работа! Уста-а-а-а... Подумаешь, колотую ранку в сердце здорового парня ушил, – явно противореча началу разговора, понёс главный врач. – Он бы, может, и без твоей помощи околемаля, встал, да и домой ушёл!

– Ну-ну, – хмуро ярился Корнев. – Скажите ещё, что это я его... по пьянке... скальпелем в сердце, а не дружки шампуром...

– От пьяного всего можно ждать! – с вызовом вскинулся главный, а потом, явно устыдившись, остыл внезапно, сказал, извиняясь. – Вот видишь, как ты меня достал! Нервы... Ладно. Работник из тебя сегодня никакой, сам понимаешь. Поэтому слушай задание. Мне вчера из областного Совета федерации независимых профсоюзов звонили. У них сегодня в десять ноль-ноль... – Он одёрнул рукав белоснежного, туго накрахмаленного халата, глянул на часы, – через сорок минут акция протеста на площади Ленина начинается. Насчёт зарплаты бюджетникам, единой тарифной сетки, и всё такое... Толку от таких митингов не много, но поучаствовать надо. Проявить, так сказать, пролетарскую солидарность. Вот мы тебя на это мероприятие от нашего коллектива и уполномачиваем... или намочиваем?

Корнев растерянно пожал плечами.

– Короче, выступишь там с трибуны, – приказал главврач.

– Так я не знаю, про что говорить-то.

– Ориентируешься. Тем более, что настроение у тебя... гм-м... подходящее. После выпивки всегда на рассуждения тянет. Вот и порассуждаешь о тяжком житье-бытье медработников. Расскажешь, что работаете вы, доктора и медсёстры, как проклятые, людей с того света вытаскиваете, а платят вам за это – копейки, продавщица в овощном магазине и то больше имеет. И про то скажешь, что больные это понимают, и подносят в знак благодарности докто-

рам водочку да конфетки в коробках. А лучше бы колбасу или курицу замороженную. Потому что с той водочки мужики-хирурги быстро алкоголиками становятся... Ладно, иди, – указал он на дверь Корневу. – А я уж тебе, так и быть, сегодняшней день за рабочий зачет. Вместо прогула по причине нетрезвого состояния...

И вот теперь Корнев стоял на продуваемой сырым ветром площади, костенел, несмотря на выпитый стакан водки, и вздрогнул обречённо, услышав, как объявила в микрофон мордастая профсоюзная дама с трибуны:

– Слово для выступления предоставляется хирургу городской травматологической больницы Корневу Геннадию Михайловичу.

Вокруг вяло захлопали, и доктор, осторожно вклиниваясь правым плечом в толпу, как на Голгофу пошёл на трибуну.

2

Поднявшись по мокрым гранитным ступенькам к пьедесталу памятника вождю пролетариата, Корнев повернулся лицом к толпе и удивился тому, что отсюда, сверху, народа на площади виделось гораздо больше, чем показалось ему вначале. С трибунной высоты лица собравшихся были неразлично-одинаковы, люди стояли плечом к плечу, чернели плотно, словно семечки в шляпке зрелого подсолнуха, зато надписи на тугих от ветра, парусом надутых матерчатых транспарантах сразу бросались в глаза: «Чиновник, отдай нашу зарплату!», «Наш МРОТ – начальству бы в рот!», «Верните рабочим заводы и фабрики!» и прочее в том же духе.

Раскрасневшаяся на холоде профсоюзная дама схватила Корнева за рукав пальто и решительно потянула к микрофону, шепча на ухо:

– Вот сюда говорите. Но недолго – две-три минуты, а то народ разбежится!

Корнев покосился опасливо на бомбошку микрофона, и вдруг, неожиданно для себя, простёр к толпе руку на ленинский манер, сжав озябшую кисть и оттопырив вызывающе средний палец, повторив жест, который демонстрируют обидчикам шофера на американских дорогах.

Толпа у подножия памятника, до того переминавшаяся обречённо под ледянистым дождём, гудевшая ровно и равнодушно, разом ахнула, застыла, уставилась на Корнева сотнями пар глаз. А доктора вдруг злость разобрала и на себя, вынужденного вместо желанного сна топтаться на площади, и на собравшихся здесь людей, которым, конечно же, никто и ничего не даст, и на других горожан, наверняка в большинстве своём таких же бюджетников, безучастным потоком спешащих по своим делам и обтекающим пяточок митингующих, не демонстрируя никак свою солидарность с их требованиями к властям.

– Вот-вот! – качнул оттопыренным пальцем Корнев. – Привыкайте к тому, что никто ничего вам не даст! И правильно!

– У-у-у... – глухо взывала обиженная толпа.

– Что возмущаетесь?! – упрямо гнул своё доктор. – Деды и отцы построили для вас великую державу, а вы? Вы её на колбасу, пепси-колу да сникерсы променяли!

– Это провокатор, товарищи! – слышались вразнобой голоса с площади.

– Пусть говорит! Правда глаза колет?! – громко возражали им другие.

– Я, конечно, извиняюсь за резкость, – продолжил, освоившись с ролью оратора Корнев. – Я врач, хирург, не политик. Но даже я понимаю, что многое из того, о чём здесь говорили, что пишете вы на своих транспарантах, нереально. Каким рабочим вы собираетесь возвращать заводы и фабрики? Вы видите рядом с собой хоть одного рабочего? Нет их. Есть учителя, врачи, библиотекари, пенсионеры. Мы с вами сегодня главная сила в обществе. Мы новый пролетариат, которому нечего терять, кроме своих цепей. Потому что мы – нищие. Попробуйте пригласить на дом электрика, сантехника, маляра. Сколько гегемон с вас сдерёт? Не меньше, чем олигарх! И ведь сделает как обычно – тяп-ляп!

– Олигархов – в тюрьму! – визгливо выкрикнула закутанная в пуховый платок старушка в первом ряду, и запричитал привычно: – Ведь как нас, стариков, обобрали...

– И олигархов прижать, само собой разумеется, – горячился Корнев. – Не лечить, не учить их отпрысков за те копейки, что нам государство платит. Пускай раскошеляются! Самое дорогое сегодня в мире – не нефть, не золото, а здоровье и образование! Они цены на бензин, на газ, электроэнергию на тридцать процентов поднимут, а мы, учителя и врачи, за свои услуги сразу в ответ – на триста!

– Ну да, а простому-то человеку что делать?! – возразил кто-то из толпы.

– А вот пусть простые люди за нас и заступятся, – живо отозвался доктор. – Мы с вами стоим тут, сопли морозим, и – гляньте вокруг – никому до нас дела нет. Разве что вечером по телевизору покажут, и всё, как было, останется.

– Ты, врач, скажи нам, что делать-то?! – спросил тот же голос.

Корнев, давно отвыкший от выступлений на публике, последний раз ему, дай Бог памяти, лет двадцать назад, в пору комсомольской юности перед большой аудиторией речь держать доводилось, – воодушевился под взглядами сотен людей, расправил плечи, показался вдруг сам себе умным и значимым.

– Бастовать, товарищи! – изрёк он в микрофон. – Во всероссийском масштабе!

Профсоюзная дама дёрнулась, стала теснить его своим дородным телом в сторону.

– Товарищи... Господа! О забастовке речь пока не идёт. Центральный Совет вопрос так не ставит. Товарища э-э... врача никто не уполномочивал делать такие заявления. Наша акция носит предупредительный характер.

– Ну, и предупреждайте дальше – без меня! – с досадой уступил ей место Корнев. – Всё равно толку не будет!

– Правильно! Что воду в ступе толочь! – загомонили в толпе. – Зачем нас сюда собирали? Хватит последние китайские предупреждения раздавать!

Корнев с чувством исполненного долга спустился по скользким от дождевой наледи ступеням, и народ расступался перед ним почтительно. Многие улыбались ему, щуря под пронзительным ветром слезящиеся глаза, а давешняя старушка в пуховом платке схватила за руку и принялась трясти, бормоча:

– Спасибо тебе, сынок, ох, спасибо. Ты мне только одно ещё разъясни: пенсию-то добавят нам, али как?

– Али как, – сурово ответил доктор, осторожно, но решительно высвобождая руку.

– Товарищи! Не расходитесь! – надрывалась в микрофон профсоюзная дама. – У нас по регламенту ещё трое выступающих! —Но её не слушали уже. Народ потянулся в стороны, толпа размывалась стремительно, дробилась, редела, освобождая залитую зеркальными лужами площадь.

Корнев тоже поспешил прочь, подняв жесткий воротник кургузого демисезонного пальтишка и гадая про себя, не попадёт ли ему от главврача за излишнюю горячность на митинге.

Он уже свернул с площади на узкую, усыпанную желтой листвой улочку, откуда до остановки общественного транспорта было рукой подать, как вдруг его окликнули сзади:

– Доктор! Простите! Можно вас на минуточку?

Корнев оглянулся недоуменно – и с раздражением воззрился на молодого, лет тридцати, круглолицего человека в нелепом, будто одеяло, пошитое из разноцветных лоскутов, пальто.

«Ну вот, – с досадой подумал доктор, – небось, активист какой-нибудь партии. Сейчас агитировать начнёт, или политическую дискуссию разведёт... Терпеть не могу!»

Корнев застал ещё комсомольские времена, и на дух не переносил институтских общественников – как на подбор болтливых, пустых и вороватых. И этот, похоже, из той же породы, только нынешний. Мордастенький, с сытеньким, верноподданническим каким-то румянцем идеологически подкованной молодёжи на пухлых щеках, зыркающими блудливо по сторонам глазками.

– Здравствуйте, уф! – поравнявшись с ним, запалено выдохнул незнакомец в клоунском пальто. Протянул руку, и когда доктор пожал её машинально, представился: – Минусов Олег Христофорович. Политические технологии и консалтинг.

– Технологии... чего? – без энтузиазма спросил Корнев.

– Политические технологии, – с нажимом уточнил молодой человек. – А консалтинг означает консультации.

– Значит, я тоже, когда больных консультирую... консалтингом занимаюсь?

– Конечно! – радостно кивнул Минусов. – У нас всё общество больно и нуждается в консультации специалистов. В этом смысле мы с вами коллеги!

Корнев украдкой глянул на семяющего рядом, подстраивающегося под его широкий, размашистый шаг, обладателя лоскутного пальто, и, оставшись недоволен, поджал губы. Не нравились ему такие люди – молодежавые, энергичные, с неукротимым задором в глазах. Будто моторчик трескучий в них вмонтирован, бензиновый двигатель. Израсходовалось горючее – долил по – быстрому, за стартер дёрнул – и затрещал, заработал, как новенький, ручки-ножки задрыгались, голова завертелась, и отдых не нужен...

– Коллеги так коллеги, – обречённо согласился доктор и, не выдержав, поинтересовался грубовато: – Так чем, как говорится, обязан?

– Вы мне... Геннадий Михайлович, кажется? Лично мне вы, дорогой Геннадий Михайлович, ничем не обязаны, – суетился новый знакомый. Он пристроился рядом, и двигался по-птичьи, бочком, с прискоком, кажется, нисколько не страдая от ветра и холода, как отъевшийся, привычный к морозам снегирь. – Это я прошу прощения за навязчивость. Хотя, если подумать, все мы кому-то чем-то обязаны. Народу нашему многострадальному, например... Меня ваше выступление поразило и взволновало!

– Да бросьте, – смутился от неприкрытой лести собеседника Корнев. – Что я такого сказал? Так, экспромт... Накипело!

– То-то и восхитительно, что экспромт, а не занудный доклад по бумажке! – всплеснул руками незванный попутчик. – Чего в наших политиках не хватает, так это искренности. Такой, знаете ли, первозданности чувств. К демократам первой волны как угодно можно относиться, но уж в чём, в чём, а в искренности им не откажешь!

– Ну да, ввали самозабвенно, причмокивая, – съязвил доктор.

– Ввали, – легко согласился Минусов, – но как артистично! Так, что и сами в конце концов поверили, и людей верить заставляли. Тут ведь важно, кто говорит. Одно дело – чиновник, на все пуговицы застёгнутый, другое – молодой реформатор... Или, например, врач. Да не просто врач, а хирург. И не говорит, а криком кричит о наболевшем!

– Я что, кричал? – нахмурился Корнев. – Ни черта от волнения не помню. Как встал за трибуну – сразу память отшибло.

– Да нет, это я образно выражаюсь. Ваше выступление хорошо прозвучало, от души. Вы заметили, как народ отреагировал? На фоне той казённости, что профсоюзные деятели несли, вы говорили с чувством, доходчиво. И этот ваш средний палец, продемонстрированный толпе – гениальная пиаровская находка. Вы где-то учились ораторскому искусству?

Корнев, разомлевший от неожиданных похвал, не без самодовольства потупился.

– Да где там! Я и слов-то таких не знаю... Пи-а-ровская... вы так, кажется, сказали? Наше дело простое – режь да шей.

– Нет уж, не скромничайте, – не отставал Минусов. – Оч-чень впечатляюще получилось! Если не обучались специально с массами общаться, значит, у вас врождённый талант. А его не скроешь. Он рано или поздно наружу вылезет, так или иначе проявится.

– Ну да, дурака ладошкой не прикроешь, – хмыкнул Корнев. – Вот мне главврач за моё красноречие завтра и клеит!

Попутчик вдруг всплеснул руками – так, что лоскутное пальцецо чуть не вспорхнуло с его плеч.

– Слушайте, Геннадий Михайлович! Вы наверняка ещё не обедали, я тоже. Пойдёмте вон в то кафе, закусим, выпьем. Познакомимся поближе. Как принято на Западе, предупреждаю заранее: плачу я.

– Вам что-то от меня нужно! – догадался наконец доктор, и остановился настороженно, предложив требовательно: – Выкладывайте начистоту. А то впариваете мне мозги... Про талант, про ораторское искусство...

– Вы правы, – посерьёзней вмиг Минусов. – Я, правда, не уверен ещё... но, кажется, готов сделать вам оч-чень заманчивое, солидное предложение...

– С наркотиками, липовыми больничными, фальшивой инвалидностью я не связываюсь, – сразу потерял интерес к собеседнику Корнев.

– Нет, что вы! – взмахнул пёстрыми рукавами пальто Минусов. – Вы меня неправильно поняли! Я не наркодилер, а политтехнолог. Весьма, между прочим, известный в определённых кругах. Автор нескольких книг и большого количества статей, посвящённых выборным технологиям. Кандидат наук, готовлюсь защищать докторскую, а вы... Даже обидно, честное слово...

– Я не хотел вас обидеть, – смутился Корнев. – Просто вы так неожиданно на меня... навалились...

– Потому, что я долго искал в этом городе кого-то, похожего на вас... в смысле, обладающего примерно такими качествами. Отчаялся уже, забрёл на митинг, и вдруг – вы! – Минусов взял Корнева за плечо, осторожно подтолкнул к дверям кафе. – Интерес у меня к вам чисто профессионального свойства. С учётом харизматических качеств вашей личности...

– Я политикой не интересуюсь, – упрямылся доктор, но в кафе всё же свернул. – И на митинге оказался случайно. Мне... мне домой надо. Я после ночного дежурства. Оперировал. Устал, как собака.

– Ну полноте, полноте, – подхватив Корнева под локоток, ворковал Минусов. – Я вас долго не задержу. Полчаса. Мы же с вами интеллигентные люди. Рюмочка коньяка, бутерброды, чашечка кофе... С морозца-то, а?! Для профилактики? А то на таком ветру и простудиться недолго!

– Хорошо, – согласился, наконец, доктор. – Но предупреждаю: мне все политические заморочки, митинги разные – побоку!

– Вот об этом мы с вами, Геннадий Михайлович, и потолкуем. Знаете, как у нас, жмейкеров¹, говорят? Даже если ты не интересуешься политикой, то она обязательно рано или поздно заинтересует тебя! – политтехнолог хихикнул довольно. – Вот и для вас... я почти уверен в этом, уж поверьте моему профессиональному опыту... пробил час!

¹ Жмейкер (жарг.) – цеховая кличка свободных пиарщиков, имиджмейкеров, промышленяющих на рынке избирательных услуг. Имеет уничижительно-пренебрежительный оттенок.

3

– Как вам коньяк? – поинтересовался четверть часа спустя, постучав зубчиками алюминиевой вилки по изрядно початой бутылке, Минусов.

– Да вроде хорош, – благодушно взглянул на полный до кроёв пластиковый стаканчик размякший от тепла и доброй порции спиртного Корнев. – Аромат есть... крепость. Я, честно говоря, в коньяках совсем не разбираюсь. Нам, докторам, чаще водочка перепадает. А когда коньяк пробую – что три звёздочки, что пять – разницы особой уловить не могу. Вроде всё одинаковое.

– И верно, – подтвердил политтехнолог. – По крайней мере те коньяки, что в таких вот забегаловках продают по всей России – сколько б не рисовали звёздочек, из одной бочки льют. Только называют по-разному. В лучшем случае в бутылке виноградный самогон, чача, в худшем – технический спирт, чаем окрашенный. Этот, кажется, – он указал на свой стаканчик, – всё-таки из винограда выгнан. Но с настоящим коньяком он и рядом не стоял. А купились мы с вами на этикетку. Где написано, что коньяк – армянский. Вы обратили внимание, сколько на стойке бара бутылок, в том числе коньяков? От этикеток глаза разбегаются. Может быть, есть среди них напитки гораздо качественнее, чем выбранный нами. – Он опять звякнул вилкой о бок тёмной бутылки. – Но мы с вами взяли испытанное, привычное. Потому что с давних, советских ещё времён, нам в голову вдолбили, что армянский коньяк – лучший. Таким образом, армянский коньяк – раскрученный бренд. За него мы и заплатили. А не за то, что в бутылке содержится. То есть отдали деньги за символ. Проще – за дырку от бублика. Так вот, я тот, кто этими дырками торгует. Давай вторую порцию за нас, имиджмейкеров!

– Давай! – легко переходя на «ты» с новым знакомым, согласился захмелевший Корнев. – Только не пойму, причём здесь я? Бублики какие-то... этикетки...

Послушно выпив коньяк, доктор закусил его бутербродом с сыром и колбасой, уставился, жуя, на собеседника.

Тот крякнул, утёр губы, оставив стаканчик.

– Знаешь, как отличить хороший коньяк от плохого? – отдышавшись, спросил политтехнолог. – Надо сделать вначале малюю-у-сенький глоток, что бы он растёкся во рту. А потом глубоко вдохнуть. Если запершит в горле – значит, коньяк не качественный... Да. Так вот, я, Минусов, к твоему сведению – тоже бренд. И пальтишко моё, – он тронул пёстрый рукав, – тоже. Бывает, соберёмся с коллегами на симпозиум или семинар, а они только глянут на вешалку в гардеробе – и в один голос: «О, Минусов уже здесь!» Это, брат, в наших кругах дорогого стоит! Набери в интернете мою фамилию – и увидишь сотни ссылок. Не менее трети депутатов Государственной Думы, губернаторов краёв и областей, мэров крупных городов я к власти привёл!

– Ну, а я-то тебе зачем? – не отставал Корнев.

– Да надоело всё! – отчаянно взмахнул рукой, опрокинув пустой пластиковый стаканчик, Минусов. – Вишь, падает. Налить надо.

Доктор терпеливо кивнул.

– Ты знаешь, как мы, политтехнологи, кандидатов в депутаты, мэры и прочие херы называем? Телами. Или чурбаками. По причине их изначальной, природной тупости. И мы, имиджмейкеры, словно папы Карлы, из тех чурбаков для вас, избирателей, шустреньких и симпатичных Буратин выстругиваем. Чтоб ходить могли, говорить, что надо, глазёнками по сторонам зыркать. Во-о-г... Ты «Пигмалеон» Барнарда Шоу читал?

– Кино по телевизору видел, – Корнев взял бутылку, налил по половине стаканчика себе и Минусову.

– Ну да всё равно, сюжет знаешь... Короче говоря, захотелось мне хоть раз в жизни для души поработать. Решил: возьму нормального, вменяемого человека – и введу его в большую политику!

– Меня, что ли? – догадался доктор.

– Ага, тебя! – самодовольно кивнул Минусов. – За это давай и выпьем.

– Да не хочу я, – мотнул упрямо головой Корнев. – Что я в твоей большой политике не видал? Этих, как их... Жириновского с Хакамонадой?!

– А чувство долга?! Перед народом, перед страной?! – патетически всплеснул руками Минусов. – Ты знаешь, Геннадий Михайлович, кто нынче лезет в политику? Самые что ни на есть ущербные люди!

– Да ну? – удивился Корнев.

– Ты, как доктор, психологию должен знать. Что такое стремление к власти? Прежде всего, компенсация низкой самооценки. Понимаешь?

– Н-не очень...

– Заниженная самооценка, осознание собственной ущербности толкает человека на взятие всё новых и новых высот. Каждой новой победой, каждым новым шагом вверх по социальной лестнице такой человек доказывает себе и окружающим, что он чего-то стоит! Я, конечно, упрощаю, – сделался серьёзнее, и вроде протрезвел даже, Минусов. – Вообще-то существует несколько потребностей, мотивирующих поведение тех, кто стремится к лидерству. Прежде всего – потребность во власти. И вытекающая из неё возможность контролировать других людей, события. Затем – потребность в победе над кем-то, в доминировании над окружающими. Но... – политтехнолог подцепил вилкой кусочек колбасы с бутерброда, пожевал мелко, по-кроличьи, – учти одно обстоятельство. Нормальный, физически крепкий и психически здоровый человек обычно самодостаточен. У него нет потребности возвышать себя, унижая и угнетая других. Он добр, великодушен. А вот тот, кто имеет явный или скрытый порок, чуть ли не оргазм испытывает, глумясь над сильными, здоровыми. Потому-то в политике так много уродов – чаще моральных, чем физических... Ты, кстати, какие потребности ощущаешь? – вдруг ткнул он обличающее тупым концом вилки в Корнева.

– Ч-чёрт его знает... – растерянно пожал тот плечами. – В деньгах, наверное... Иногда. Ну, в девчонках... по молодости. Выпиваю ещё, курю...

– Я ж говорю – нормальный человек! – восторженно подытожил его слова политтехнолог. – Кто ж из нас в деньгах не нуждается!

– Кстати, о деньгах, – замялся доктор. – Если я вдруг соглашусь... Ну, стать этим, как ты сказал... политическим лидером. Им жалованье какое-нибудь полагается?

– Это само собой, – покровительственно похлопал его по плечу Минусов. – Там, брат, другие масштабы зарплат, чем сейчас у тебя. Космические!

– Вот уж кем-кем, а космонавтом стать я никогда не мечтал. Как-то... не привлекало. И зарплаты космической мне не надо. Так что давайте, Олег... э-э... Христофорович, коньячок допьём – не пропадать добру, – и по домам. А то я советь начинаю. Не спамши, не жрамши... И дежурство тяжёлое выдалось.

– Оперировали? – сочувственно поинтересовался политтехнолог.

– Было дело. Одного бычка на шампур насадили. Аккурат через сердце.

– И как?

– Жить будет, – скупое, вспомнив, как трясли его за грудки вместо благодарности дружки раненого, пояснил Корнев.

– И что, серьёзная операция была? – отчего-то живо заинтересовался Минусов.

– Да уж, – не без гордости вскинул хмельную голову доктор. – Не всякий хирург такую выполнит.

– Вот и первый информационный повод о вас избирателю рассказать, – довольно потёр ладони политтехнолог. – До официальной избирательной компании, когда агитация будет разрешена, ещё целый месяц. Вот и начнём тебя потихоньку раскручивать. Предлагаю по этому поводу – ещё по стаканчику.

Он ловко плеснул коньяк в пластиковую посуду, кивнул Корневу ободряюще, и выпил, не закусив, а лишь помахав ладошкой у раскрытого запалённо рта.

– Уф-ф! Хор-р-рошо пошёл! Даром что самопальный. У меня примета такая есть: если легко, с настроением пьётся – к удаче!

– А у меня – к скандалу с женой, – грустно возразил доктор, но стаканчик свой всё-таки осушил. Подцепил вилкой кружочек бледного парникового огурца, положил в рот, спросил запоздало, причмокнув. – М-м... А что это ты, про избирательную компанию говорил? Куда выбирают-то?

– В Государственную Думу, по мажоритарному округу. Ваш депутат недавно умер в Москве. Вот, на его место выборы назначили. Слыхал?

– Было... что-то такое. Рассказывали: мол, виагры мужик объелся, с девицами кувыркался. Сердечко-то и не выдержало – возраст! – вспомнил Корнев.

– Так я решил – тебя вместо него двинуть! – торжественно объявил Минусов.

– Во дела! – хмельно мотнул головой доктор. – Пора мне с пьянкой завязывать. Один из симптомов белой горячки – мания величия. Хотя ... – он погрозил пальцем собеседнику, – проблема-то не у меня, а у тебя! Не я себя депутатом вообразил, а ты, брат, меня на это подначиваешь! И ещё. Я хоть в политике не шибко разбираюсь, но могу представить, сколько денег под выборы вбухивают. И кому я, простой докторишка, нужен, что б меня на вершину государственной власти тащить? Бабки в меня сумасшедшие вкладывать?

– Это не твоя забота. Есть люди, – туманно пояснил Минусов. – Твоё дело меня во всём слушаться, а там – кабинет в Государственной Думе, кабинет здесь, в родном городе, в Доме Советов, персональная секретарша, помощники, автомобиль «ауди» с личным шофёром, зарплата министерская. Одним словом, другая жизнь!

– Но почему я?! – представив мгновенно нарисованную Минусовым картину грядущей жизни, в отчаянье от накатившего вдруг соблазна воскликнул Корнев.

– Мне нужен человек, обладающий набором определённых качеств, и я выбрал тебя. Ты – избранный.

– Понял, – послушно кивнул доктор, а потом с пьяной непоследовательностью мотнул упрямо головой. – Хотя почему всё-таки я – не понял!

– Харизма у тебя есть, вот почему! – со значением поднял указательный палец политтехнолог. – А харизма, брат, это половина успеха.

– А что такое... харизма? – с некоторой обидой даже вскинулся Корнев. – Морда, что ли, подходящая? Или характер?

– Харизма – это особое качество личности, – без запинки выдал, словно по памяти цитировал, Минусов. – Окружающие оценивают такую личность, как одарённую от природы особыми свойствами, способную эффективно влиять на других. Тут всё важно: и внешность, и походка, и речь...

– И всё это у меня есть?

– Нет, конечно. Кое-что подработаем, кое-что подправим...

– И народ за меня проголосует? – недоверчиво переспросил Корнев.

– А вот давай сыграем с тобой в одну игру! – предложил вдруг Минусов. – Я буду называть предмет, а ты – его цвет. Готов? Погнали! Молоко.

– Э-э... белое, – после секундного замешательства ответил доктор.

– Сметана?

– Белая.

- Иней?
- Белый.
- Холодильник?
- Белый.
- Кровь?
- Белая.
- Какая? – расплылся в улыбке политтехнолог.
- Бел... Тьфу ты, чёрт! Красная. Конечно же красная!
- Вот видишь, – назидательно подытожил Минусов, – даже ты, врач, хирург, и то купился.

Поговорка «чёрного кобеля не отмоешь до бела» устарела. Моя задача – не отмывать пса, а заставить поверить окружающих в то, что он – белый. Тем более, что в случае с тобой, Геннадий Михайлович, задача значительно упрощается. Ты у нас и так вон какой положительный – врач, жизни людские спасаешь. И когда настанет время голосования, на вопрос, кого жители города хотят видеть депутатом Государственной Думы, избиратели хором, друженько ответят: «Конечно же, доктора Корнева!» Хотя пока они о своём выборе даже не подозревают...

4

Следующий день выдался у Корнева выходным. Накануне, изрядно перебрав коньяка, он спал к неудовольствию домочадцев долго, почти до обеда. Впрочем, жена Ольга рассердилась наверняка не на длительный сон мужа – после без малого двух суток, проведённых им безвылазно в клинике, это было вполне естественно, а на тяжёлый дух перегара, слоившегося и проникавшего во все закутки их двухкомнатной малогабаритной «хрущёвки». Недовольной была и пятилетняя дочь, Иришка. Устав ждать его пробуждения, она забралась к отцу в кровать, и принялась осторожно раздвигать пальчиками отёчные папины веки.

– Ну встава-ай... – жалобно гундела она. – Просыпа-а-йся-а... Вон, у тебя уже глаза открыты-ы...

Охнув от навалившейся одновременно с пробуждением головной боли, Корнев сел в кровати, схватил дочь, сделал вид, что хочет укусить.

– А-ам! Я тебя съем! Где у тебя пузичко?!

– Ой, папка, пока ты спал, тебе опять в рот кошки накакали! – отстранилась от него дочь. – Не дыши на меня!

– У-у! – рычал Корнев. – Я огнедышащий дракон!

В спальную заглянула Ольга.

– Не кошки отцу в рот нагадили, а дракон! – поджав губы, мстительно заметила она. – Змий зелёный. Папа уснул, а он того...

– Виноват, девицы-красавицы! – отпустив дочь, покаянно поднял обе руки вверх Корнев. – Бегу в ванную зубы чистить.

Чуть позже, сидя за кухонным столом и ковыряя вилкой горячую, разваливающуюся от переизбытка хлеба котлету, «экономную», по определению Ольги, вынужденной изворачиваться при очевидной скудности семейного бюджета, Корнев рассказывал, пытаясь оправдаться за вчерашний загул.

– И вот, представляешь, этот тип предложил мне в депутаты Государственной Думы... как это у них называется... баллотироваться! Пока обсуждали эту тему, выпили маленько.

– Маленько – это сколько? Литр? – уточнила Ольга, переворачивая на сковороде шкворчащие возмущённо котлеты.

– Да не-ет, что ты! Ну, бутылку конька уговорили под это дело. А я ж с ночи, не спамши... Вот и развезло.

– А пить-то зачем? – не принимала извинений жена.

– Так, говорю ж, на митинге был. Промёрз там, как собака. Ну, и думаю: выпью – что б не простыть! – обратился за помощью к медицинским аргументам Корнев.

– А на митинг тебя с чего занесло?

– Шеф послал. От нашей профсоюзной организации. Выступить поручил. Тут меня политолог этот... Минусов, заметил. Очень ему моя речь с трибуны понравилась.

– Ну да, после бутылки-то коньяка ты, небось, соловьём разливался! – отходя от обиды, предположила жена.

– Да нет, я ж сперва выступил, а выпили мы потом! – оправдывался, пытаясь подцепить котлету на вилку, Корнев.

– Какой из тебя депутат, – Ольга пренебрежительно глянула на его неловкие с похмелья руки. – Там, небось, постоянные банкеты, торжественные ужины. А ты напьёшься вдрызг, и всё твоё депутатство на этом кончится!

– Обижаешь, мать... м-м... вкуснотища! – справился наконец с котлетой Корнев. – Да и не пьяница я вовсе. У меня от переутомления руки дрожат. Ты, как врач, должна понимать!

– И налить тебе рюмку для восстановления здоровья! – подхватила жена, и тут же отрезала: – Не дождёшься! Собирайся, пойдёшь с Иришкой гулять. А я без вас уборку затею. Окна заклею к зиме – ударят морозы с ветрами, мы тут, на девятом этаже, от холода околеем.

Корнев с радостью провёл бы весь выходной на диване, бездумно уставясь в телевизор и перескакивая с помощью пульта дистанционного управления с канала на канал, но сразу же согласился и, окончив поздний завтрак, отправился с дочерью на прогулку в ближайший скверик.

Погода была мерзопакостная. От низких, багрово-чёрных, напоминающих обширный кровоподтёк, небес, тянулась, липла к земле туманная, густо, до першения в горле перемешанная с выхлопными газами, хмарь. Потемневшие от сырости, изломанные, засохшие ещё с лета от автомобильного чада деревца сквера, потеряв последние листья, стыли в мёртвой недвижности под холодным ветром, и надо было обладать поистине ангельским восприятием жизни пятилетнего ребёнка, чтобы скакать счастливо на одной ножке, и сыпать, сыпать вопросами.

– Пап, а пап! А если собрать листья с земли и опять на ветки повесить, они оживут? А что в небе останется, когда вся вода из туч вытечет? Спорим, ты на одной ножке вон до той скамейки не допрыгаешь, а я – запросто!

У Корнева болела голова, его мутило слегка, но он, подогнув левую ногу, добросовестно прыгал на правой – раз, другой, третий, а потом виновато вставал на обе ноги, отдыхая.

– Нет, так нельзя! Ты жульничаешь! – смеялась звонко Иришка, и простила великодушно: – Это потому, что ты старый и большой. И прыгаешь как медведь – топ! топ! А я маленькая, лёгкая, как кузнечик. Смотри! Скок, скок!

Она порхала по пустынной аллее вдоль окостеневших кустов, а Корнев смотрел ей вслед и думал, что он, пожалуй, со многим опоздал в этой жизни. Например, поздно женился, обзавёлся ребёнком. Всё некогда дураку было. Вначале учился истою – а как же иначе, ведь профессия врача – святая, и он зубрил почти наизусть содержание огромных и неподъёмных, как фибровые чемоданы, фолиантов. Однако просто знать в медицине – мало, надо ещё многое уметь, и он сутками пропадал в провонявшей формалином анатомичке, пока не научился владеть скальпелем виртуозно, словно д'Артаньян шпагой. Он спасал больных, рискуя порой своей репутацией, брался оперировать в случаях, когда более опытные и именитые коллеги отказывались, опасаясь неприятностей вследствие летального исхода, и стал-таки, чудом не угодив под следствие и статью, высокочеловеческим хирургом.

Он женился в тридцать четыре года, на такой же упёртой, озабоченной прежде всего благополучием чужих ей людей, докторше, Ольге. Ей тоже было почти тридцать, так что Иришка оказалась у них поздним, первым и, судя по всему, последним ребёнком.

– Прямо как в сказке, – горьковато шутила порой Ольга. – Жили-были старик со старухой. И была у них единственная дочка, Ирочка...

Жили они действительно скромно, тихо, если не считать редких алкогольных эксцессов Корнева, перебивались от зарплаты до зарплаты, пополняя скудный семейный бюджет подношениями благодарных пациентов – плиткой шоколада, коробкой конфет, баночкой кофе...

На первых порах такие подачки смущали их, потом, с годами, стали привычными, воспринимались как некая доплата бартером, за профессионализм, тем более что врачами они действительно были хорошими.

И всё-таки, несмотря на ровное и благополучное, в общем-то, по большому счёту, бытие, многое в устоявшейся жизни не устраивало Корнева. Отсюда и выпивки, которые случались всё чаще и без особого повода, как, например, вчерашняя. А как, объясните пожалуйста, можно ещё существовать в этом мире, где никто, кроме самых родных и близких людей, не любит и не ценит тебя, и где ты, как врач, обязан оказывать помощь всем, а тебе, в свою очередь, никто не обязан ничем, и где вместо благодарности за спасение жизни, спасителя хватают и трясут за грудки? В мире, в котором, отстояв ночь в операционной, вернув с того света какого-нибудь

бедолагу, ты получаешь за это плату меньшую, чем сантехник, починивший старенький унитаз, а вне больницы постоянно рискуешь нарваться на хамство в ответ на пустяковую просьбу, которая не требует затрат и тысячной доли энергии, потраченной тобой на то, чтобы спасти одного из представителей их, обывателей, стаи...

Корнев попытался прогнать досадные мысли, настроиться на лирический лад, соответствующий прогулке отца с любимой дочерью тихим днём поздней осени, но не смог. Крепко засела в мозгу, червячком-паразитом точила досада на то, что обидела его судьба, обошла, недодала в жизни по-крупному.

Он вспомнил вдруг себя – маленького, в Иришкином, кажется, возрасте, в детском саду ещё. Они, дети, удачно выступили с песнями и танцами на каком-то утреннике, – тогда проводили «утренники», приуроченные к советским праздникам – 1 Мая, 7 Ноября... Воспитательница, принаряженная в расшитый стеклярусом длиннополый сарафан и кокошник, пританцовывая и кланяясь низко, обошла сидевших чинно на скамеечках детишек, демонстрируя им приз: водруженный на расписной поднос торт – роскошный, нежно-розовый, многоэтажный, и, конечно же, вкусный до умопомрачения, а потом, так же пританцовывая легко и кланяясь гибко, унесла сказочно-воздушное угощение, и больше дети этого торта в глаза не видели, так и не отведали ни кусочка.

Отчего-то и сейчас, тридцать пять лет спустя, Корневу остро захотелось попробовать того лакомства – казалось, что ничего вкуснее в жизни он не ел и уже есть не будет...

– Доктор! Геннадий Михайлович! – внезапно окликнули его.

Корнев оглянулся в растерянности. Незаметно они с Иришкой дошли до конца аллеи, где сквер пересекала оживлённая городская магистраль. На её обочине приткнулась забрызганная грязью по самую крышу белая «пятёрка» дорожно-патрульной службы. Пожилой гаишник приветливо помахал полосатым жезлом. Когда Корнев приблизился, милиционер взял под козырёк, представился шутливо:

– Прапорщик Пугаченко!

– Здравствуй, Семён Захарович, – пожал ему руку доктор. – Дежуришь?

– Да вот, нарушителей караюлю... Гляжу – сосед с дочкой гуляет. Дай, думаю, поздороваюсь!

– А я уж решил, что не там улицу перешёл, – улыбнулся Корнев.

Жившего в соседнем подъезде прапорщика он несколько лет назад поставил на ноги после серьёзной автомобильной аварии, и с тех пор тот не упускал возможности при редких нечаянных встречах в очередной раз поблагодарить доктора.

– А я, вишь, хожу! – притопнул обувью в яловый сапог ногой Пугаченко. – А тогда думал – все, кранты. Инвалидная коляска. Теперь тильки на сырость ноет, да к перемене погоды... А ты, Михалыч, что-то грустный сегодня, – заметил прозорливо он. – С жинкой погавкался, или на работе шо?

– Да нет, – махнул рукой Корнев. – Кризис среднего возраста. Слыхал про такой?

– Шут его знает, – пожал плечами прапорщик. – Мне на пенсию через полгода, вот это – кризис. Как семью буду кормить – не знаю. А ты ишшо молодой...

Доктор закурил, предложил сигарету милиционеру.

– Та я ж не балуюсь. Здоровье берегу. А ты врач, а гляди-ка – смолишь, як кочегар, – попенял ему Пугаченко.

– Кризис среднего возраста наступает у сорокалетних, – принялся за чем-то объяснять простоватому прапорщику Корнев. – К сорока годам у человека проходят иллюзии относительно будущего. Он стал тем, кем стал, и не все могут смириться с этой грустной реальностью. Особенно страдают мужики. Психологи даже рекомендуют им в этот период резко сменить образ жизни, работу, семью. Иначе – депрессия, алкоголизм...

– Вечно вы, интеллигенты, что-то выдумываете, – пожал плечами гаишник. – А по мне, всё просто. Есть здоровье, деньги, жинка добрая, детишки – значит, жизнь удалась. Нет – старайся, работай, и тогда всё у тебя будет!

– Ты, Семён Захарыч, как всегда прав, – легко согласился Корнев, и начал прощаться, подчиняясь дёргающей его нетерпеливо за руку Иришке. – Пойдём дальше гулять. Счастливо отдежурить!

– До побачення! – помахал прощально полосатым жезлом милиционер, и, отвернувшись, тут же засвистел какому-то автомобилисту – нарушителю – длинно и требовательно.

Корнев прихватил за холодную ручонку заскучавшую от бессмысленного для неё разговора взрослых дочь, и предложил ей заговорщеским тоном:

– А не съесть ли нам с тобой какой-нибудь... гадости?!

– Ура! – встрепенулась Иришка, но тут же спохватилась, прижала к губам указательный пальчик. – Тс-с-с... Маме не скажем!

«Гадостью» в их врачебной семье называлась та вкуснятина, которая обычно продаётся в уличных киосках: шоколадные батончики «Марс», конфеты «чупа-чупс» на палочке, жевательная резинка, бутылочки «Пепси-колы».

Нащупав в кармане три смятых десятки, Корнев купил дочери «Марс» и две жевательные резинки, а себе – гулять так гулять! – пачку сигарет «Бонд».

Неожиданно из-за низких туч выглянуло солнце. Корнев приостановился, прикуривая, смотрел на удалявшуюся от него лёгкую, словно золотой листик скользящую по неосязаемой волне ветерка, Иришку, и подумал, что нечасто выпадают такие вот судьбоносные мгновения, обуславливающие всю дальнейшую жизнь, и надо уметь останавливать их, выделять из потока времени, чеканно запечатлевать в памяти.

Именно здесь и сейчас, стоя на мокрой аллее облетевшего сквера, он окончательно решил, что согласится на предложение нового знакомого и будет баллотироваться в депутаты.

5

Вечером того же дня, связавшись с Минусовым по мобильному телефону, Корнев отправился в самую роскошную гостиницу города, в которой обосновался политтехнолог.

Подозрительно шаткий, дёргающийся на ходу лифт вознёс Корнева на шестой этаж, в полутёмное и прокуренное кафе, где за низким столиком ожидал его Минусов. На этот раз, слава Богу, обошлось без водки.

Прихлёбывая мутноватый, агональной температуры кофе из фаянсовой чашки, Корнев внимательно слушал политтехнолога, кивал головой, поощряя собеседника, будто анамнез болезни собирал.

Минусов был серьёзен, говорил веско – что б запомнилось.

– Я вчера о харизме тебе толковал. Действительно, имеешь ты во внешности, в повадках нечто, что при благоприятном стечении обстоятельств может за тобой людей повести. Это то, что было у Ленина и Сталина, Гитлера и Муссолини...

– Хорошую компашку ты мне подобрал! – не выдержав, хмыкнул Корнев.

– Ну, тогда Путин, генерал Лебедь, полководец Суворов... Подойдёт? Харазматическими качествами, притягивающими людей, в равной степени могут обладать и святой, и преступник.

– А я кем буду? Добрым доктором Айболитом?

– Добряки нынче не в моде. Мы из тебя бойца-защитника сырых и убогих выковывать начнём. Этакое Будённого от хирургии со скальпелем вместо шашки. Это, на мой взгляд, сегодня самый привлекательный образ для электората.

– Мне кажется, – Корнев допил кофе и скривился слегка от горечи попавшей на язык гущи, – что люди тянутся к добрым врачам. Я такое в своей практике постоянно наблюдаю. Как доктор он – полный нуль, а с больными сюсюкает, и они в нём души не чают. А действительно хороший специалист, знающий дело, но, может, чуть грубоватый, успехом у них зачастую не пользуется.

– Вот, и я о том же! – подхватил Минусов. – Есть такой анекдот. Сидят крыса и хомяк в амбаре, зерно жрут. Крыса спрашивает: «Почему ты, хомяк, хотя так же, как я, хлеб у людей ворующь, в защёчных мешках в норку тащишь, а хорошим зверьком считаешься? Нас, крыс, к примеру, в мультфильмах злыми страшилами изображают, а вас, хомячков, добряками?» – «Над имиджем работать надо!» – хихикая, отвечает хомяк. Так и мы – будем работать над имиджем. Ты замечал, кто нынче востребован обществом? Кого в губернаторы народ выбирает? Генералов, десантников да контрразведчиков! У депутата Госдумы имидж чуть иной. Он не только заботится о простых людях, но и сочувствовать им должен. Вот мы из тебя на потребу публики гибрида из врача и бойца слепим.

– Я уж подумал было, что, так сказать, в натуральном образе пригожусь, – обиделся Корнев.

– Созревший для своей миссии герой, в данном случае ты, должен обязательно получить приглашение к общественной деятельности как бы свыше, – невозмутимо гнул своё политтехнолог. – В нашем случае это будут народные чаянья.

– В смысле? – насторожился Корнев.

– В том смысле, что вас, доктор, в депутаты рвануть вдохновили массы больных... гм-м... звучит как-то двусмысленно... ну пусть будет – трудящиеся массы... м-да... Это – первая составляющая вашего имиджа. Вторая – независимость лидера ни от кого, кроме как, разумеется, от своей паствы-избирателей. Третья – наличие у лидера и поддерживающего его электората общего врага. Кто у нас будет врагом? – Минусов грозно глянул на Корнева.

– Н-не знаю, – растерянно пожал тот плечами. – Олигарх какой-нибудь... Или чиновник...

– Обойдёмся без персоналий, – пресёк его потуги политтехнолог. – К персоналиям вернёмся, когда выборная рубка начнётся. А сейчас... Пусть общим врагом – твоим и твоих избирателей, – станет народная нищета, бедность! И ты, депутат, вознесясь с помощью народа, как на скоростном лифте, к вершинам власти, бедность и нищету искоренять будешь!

– Ещё, я так понимаю, предвыборную программу надо разработать, – несмело подал голос Корнев. – И в ней прописать, что я народу пообещаю...

– Брось, – отмахнулся Минусов. – Над этим не думай. Надо будет – напишем. А вообще-то учти, что избиратель по большому счёту не за программу политика голосует, а за человека. Представь, что в депутаты баллотируется толстяк. Да что бы он ни написал в своей программе, люди обязательно подумают: вон рожу-то какую нажрал... И в этом смысле ты, Геннадий Михайлович, кандидат идеальный. Твоя худошавость, немного впалые щёки, ранняя седина убедят избирателя, что живётся тебе не легко.

– Как в песне Пугачёвой? – обрадовано вставил Корнев, и пропел фальшиво. – ...Так же, как все, как все... Я по земле хожу, хожу...

– Гениальный, между прочем, текст, – согласился Минусов. – Точное попадание – прямо в яблочко. Если бы Алла Борисовна в депутаты пошла – все бабы старше сорока за неё бы проголосовали. Как же! И Аллочка, оказывается, после концертов домой чуть живая с авоськами да сумками хозяйственными приплетается, а Филипп её, ну прям как мой Васька, небось, с дружками водку допоздна жрёт! А то и вообще... по девкам бегаёт! Избиратель должен идентифицировать себя с политиком, представлять его в виде жоака стаи. Кстати, Геннадий Михайлович, надо будет нам с тобой твою биографию подработать. Что б, значит, представить тебя выходцем из простой семьи... всего в жизни самостоятельно добившегося, без поддержки и блата...

– Так я и есть из простой семьи, – обрадовался Корнев. – Отец у меня рядовым инженером на машзаводе работал, мама – медсестрой в поликлинике.

– Вот-вот, – подхватил Минусов. – Всю жизнь твоя мама лечила других, а когда заболела сама, медицина оказалась бессильна. И ты поклялся...

– Мама-то у меня жива, а папа умер, – прервал его Корнев. – Скончался скоропостижно, от инфаркта...

– Да? – рассеянно повернулся к нему политтехнолог. – Ну пусть будет папа... Какая, к чёрту, разница? Главное – принцип. На врачебную стезю тебя сподвигло чувство сыновьего долга. Народ на такие истории знаешь как реагирует? Прямо визжит от восторга! Сын – за отца, брат за брата, кровь за кровь... Жуть! Кстати, фотографий надо будет наделать – ты с семьёй, с мамашечкой престарелой... Этим буквально завтра займёмся. Поговори с женой, пусть приготовится. Дамы – они в этих вопросах... щепетильные. Чтоб съёмку не сорвала – скажет, что плохо одета, ужасно выглядит... Фотограф мой будет. Профессионал – экстра-класс!

– Так, значит, мне семью завтра готовить? – не поспевал за бурным темпераментом Минусова Корнев. – Я и с женой ещё как следует не потолковал... Насчёт депутатства-то..

– А что толковать? – осклабился политтехнолог. – Она что, глупая, от таких-то бабок отказываться? От переезда в Москву, и прочее... Да там всё, всё другое! Другая жизнь, отношения между людьми... Не то что у вас здесь, в провинции. Пьянь, рвань, убогость...

Корнев слушал, кивал смиренно – как ни крути, а так и есть, в сущности...

– Да, с фотографированием не переборщите! – опять перескочил с одной мысли на другую Минусов. – Оденьтесь скромно. Я по вашему городу погулял, посмотрел на улицах... Народишко небогато живёт. Вот и нам надо под него мимикрировать. В российском обществе феномен социальной зависти пока силён...

– Ох, и нахлебаюсь я грязи... На выборах-то, – поёжился в неприятном предчувствии доктор.

– Пойдут накаты – ответим адекватно, – грозно пообещал Минусов. – На войне – как на войне. Ты же врач, хирург, травматолог! Тебя ли кровью, костями сломанными пугать?!

– Но я же раны лечу, а не наношу... А тут, сам говоришь – война, драка...

– Ты пока ещё, Геннадий Михайлович, в нашем деле полный профан, – снисходительно глянул на него политтехнолог. – Поэтому по ходу дела учись, запоминай... Никогда не реагируй публично на выпады противника. Оправдывается только слабый и виноватый. А сильный лишь выражает сожаление по поводу того, что дела его оппонентов настолько плохи, что вынуждают их опускаться до оскорбительных нападок на соперника, грязных инсинуаций... И вообще, никогда не ругай, а жалея на публике своих противников, проявляй к ним великодушие и снисхождение – дескать, не ведают, что творят, прямо как дети малые... Прости, Господи, их прегрешения... А ты – выше мелких склок. Ты – отец родной для электората. Добрый, мудрый, справедливый по отношению к своим, снисходительный к поверженным врагам... Одним словом – лидер. Или вождь!

– Нет, всё-таки интересная у вас работа, – с уважением заметил Корнев. – Взять человека из небытия... Почти с того света... И – вдохнуть в него новую жизнь...

– Это, Геннадий Михайлович, скорее по твоей части, – усмехнулся Минусов. – У меня всё значительно проще. Политик – товар. Избиратель – покупатель этого товара. Чтобы я успешно этот товар ему втрюхал, требуется работать по классической маркетинговой схеме: сегментировать политический рынок, позиционировать, то есть предъявить политика, как товар, упаковать его в соответствии со вкусами и потребностями электората, и продать. Вернее, сделать так, что бы покупатель, то есть народ, именно моего политика выбрал.

– А я, честно говоря, глядя на политиков, всегда думал – вот, дал же Бог человеку талант! – простодушно признался Корнев. – А оказывается, их политтехнологи делают...

– Ну, не всё так просто... Ещё кофе, пожалуйста! – щёлкнул пальцами, привлекая внимание проходящей мимо официантки Минусов. – Я для себя наших клиентов по типажам классифицирую. Первый, наиболее часто встречающийся – так называемый «властолюбец». Парень этого типа отчётливо понимает, чего хочет от политической власти, на какие дивиденды, дорвавшись до неё, сможет рассчитывать. Ради этой цели подобные типы мать родную продадут – вступят в любую партию, примут и начнут исповедовать любую идеологию.

– Короче, олигархи долбаные! – заклеил их, в свою очередь, Корнев.

– Нет, Михалыч, тут ты не угадал. Есть, конечно, и среди богатеев такие, что стремятся к политической власти – Березовский, например, но я бы его всё-таки не столько к бизнесменам, сколько к вечным комсомолятам, или к первой группе типажей отнёс. А настоящие бизнесмены – и это второй тип в моей классификации, – идут во власть не ради неё самой, а ради своего дела. Это, как правило, очень головастые, хваткие ребята, технари, прагматики. Сами они обычно неспособны к публичной деятельности, говорить не умеют, предпочитают действовать. Вставать на пути у них опасно – наймут киллера, и отстреляют... М-да, клиентов такого типа приходится сдерживать... Политиков они презирают, и предпочитают их покупать. Но иногда ситуация складывается так, что им самим приходится идти во власть... Я с такими люблю работать. У них сказано – сделано. Всё чётко, конкретно...

– А ещё какие типажи есть? – заинтересовался Корнев.

– «Старые вояки». Это те, кто политическую карьеру давно начали – во времена перестройки, первых съездов, народных депутатов. С ними тоже работать легко. Всё знают, меня с полуслова понимают. Не чистоплюи, но и убивать сильного конкурента не будут. Умеют проигрывать, сохраняя достоинство.

– А меня по твоей классификации к какой группе отнести можно? – полюбопытствовал доктор.

– Г-м-м... – хмыкнул загадочно Минусов. – Может быть, к «профессиональным народолюбам»? Сейчас эти типажи редки, в конце восьмидесятых – в начале девяностых годов

их большинство было. Гуманитарии, итээровцы. Бессеребренники. Завсегдатаи митингов. По многим психушки плакали... Пламенные ораторы – всё для народа, для страны старались. Именно такие в девяносто первом, а потом и в девяносто третьем году Белый Дом защищали, на баррикады лезли. Ну и получили по интеллигентским соплям. Кого ещё тогда пристрелили, кто после сам с катушек съехал, кто спился... Единицы остались... Нет, ты не из их числа, – помотал головой политтехнолог. – Ты, скорее всего, «порученец»!

– Порученец? – удивился доктор.

– Это тот, кого во власть как бы назначили.

– В смысле...

– Да очень просто. Вызывает губернатор края своего подчинённого и говорит: «Есть, Сидор Сидорович мнение: выдвинуть тебя в депутаты Госдумы. Чтоб, так сказать, ты интересы региона в высшем законотворческом органе власти страны представлял»... Или как в нашем случае – присмотрел я тебя, и уговариваю: «Давай, Михалыч, вперед! Не дрейфь, победа будет за нами!»

– И как с нами, порученцами?хлопотно?

– Да нормально, – прихлебнул из чашки явно остывший кофе Минусов. – Звёзд с неба вы, честно говоря, не хватаете, да это от вас и не требуется... Избирательную компанию такие, как ты, рассматривают как ответственное поручение начальства с непредсказуемым результатом. Политтехнологов слушаются беспрекословно, но... в душе не верят в благоприятный исход выборной компании. Очень удивляются и искренне радуются, когда побеждают...

– Это про меня. Точно, – кивнул Корнев. – Я вот смотрю на тебя, жду чуда, и... не верю, что оно может случиться.

– Э-э, любезный Геннадий Михайлович, – утёр салфеткой пухлые губы Минусов. – Мы же с тобой профессионалы. А потому верим только в рукотворные чудеса. Так что давай-ка напряжёмся и сотворим чудо за два оставшихся месяца до выборов в Государственную Думу.

6

Три дня от Минусова не было вестей, и Корневу казалось уже, что договорённость с политехнологом по поводу грядущих выборов – всего лишь привидевшийся сон – тяжёлый, путаный, короткий. Именно такие, бессмысленно-тревожные наваливаются на вымотанных хирургов, прикорнувших в промежутке между двумя операциями...

А на четвёртый день Корнева опять вызвал главврач. Не прикасавшийся на этот раз к спиртному, доктор чувствовал себя гораздо увереннее, неуязвимее и, переступив порог кабинета шефа, очень удивился, услышав вместо приветствия многообещающе-раздражённое:

– А-а... Вот и наш герой. Собственной, можно сказать, персоной... Ну, уважил, уважил старика. Спасибо, что снизошёл... Присаживайся...

– Чем обязан? – неприязненно поинтересовался Корнев, усаживаясь за длинный приставной стол, и пытаясь определить, чем на этот раз вызвал начальственный гнев.

– Это ничего, что я на «ты»? – юродствовал тот, поднимаясь и кланяясь. – А то, знаете ли, привык по-свойски... По-простому... А с тобой... с вами, то есть... теперь так нельзя...

– Да что случилось? – по-настоящему разозлился в ответ на паясничанье главврача Корнев.

– А ты... вы, то есть, и не знаете?! – всплеснув руками, театрально закатил глаза главный. – Мировая сенсация! Все газеты только об этом и пишут!

– О чём? – догадываясь уже, переспросил всё-таки доктор.

– Вот... Извольте...

Главный врач положил перед изумлённым Корневым с полдюжины разномастных местных газет. Все они были раскрыты на разных страницах, но на каждой красным маркером была жирно обведена одна и та же заметка.

– Вот, – повторил главный, взяв первую попавшуюся газету, и, водрузив на кончик носа старомодные очки в массивной оправе, принялся читать вслух. – Сердце на шампуре! Каково? – патетически простёр он руку в сторону Корнева. – Это заголовок статьи. Дальше ещё лучше. Тэ-эк... В городской травматологической больнице... Это я пропущу... Вот! Уникальная операция на сердце после проникающего ранения... Грудную клетку гражданина М. буквально проткнули насквозь длинным шампуром, словно шпагой. Пациент уже находился в состоянии клинической смерти... Не растерявшийся дежурный хирург Гэ. Эм. Корнев, – главврач опять указал обличающее на сидевшего перед ним героя статьи, – произвёл срочное вскрытие грудной клетки и в считанные минуты зашил колото-резаную рану длиной два сантиметра на передней стенке правого желудочка... Затем, после уколов прямо в полость открытого сердца, был предпринят прямой массаж кардиальной мышцы... Усилия врача-хирурга Корнева увенчались успехом – сердце начало сокращаться, его деятельность возобновилась. Пациент, получивший смертельное ранение, без преувеличения вернулся с того света, родился во второй раз...

– Ну и что тут... экстраординарного? – с вызовом спросил Корнев, дождавшись окончания чтения газетной заметки.

– Я, между прочим, за сорок лет работы в медицине только раз газетной статьи удостоился, а тут – прямо сенсация местного масштаба. И, главное, во всех газетах – один и тот же текст, и подпись одна и та же – С. Иваныч. Что бы это значило? Этот Иваныч – он кто?

– Понятия не имею, – искренне пожал плечами Корнев. – Журналист, наверное.

– Странно всё это, – указал главврач на стопку газет. – Мне уже из управления здравоохранения звонили. Спрашивали: с чего это ваш доктор Корнев так себя рекламирует? Уж не на повышение ли метит?

– Куда бы это я, интересно, мог метить? – вяло отбивался Корнев, проклиная про себя расторопного Минусова.

– На моё, например, место, – поджал губы главврач. – Только ведь такие вопросы не читатели бульварных газетёнок решают...

– Да не нужно мне ваше место! И вообще... Мало ли о чём нынче пишут! – не скрывая раздражения, возразил Корнев.

Главврач забрал у него газеты, аккуратно сложил в стопочку, кивнул сдержанно:

– Ладно, идите, работайте... – И добавил на прощание мстительно: – Кудесник вы наш.

А ещё спустя час Минусов подъехал за Корневым к воротам больницы, посадил его в неприметную «девятку» тёмно-зелёного цвета и, лихо вписавшись в автомобильный поток, помчался по магистрали, ловко вращая баранку.

– У вас после Москвы не езда, а одно удовольствие, – говорил он, с точностью до сантиметра вклиниваясь между автомобилями при обгоне. – Ни тебе пробок, ни движения в восемь полос. Водилы, хоть и попадаются дурные, всё-таки не такое хамьё, как в столице. Благодать! Патриархальные нравы...

– Ты, Олег Христофорович, мне зубы не заговаривай. Лучше объясни, что это за хрень с публикацией про мою операцию во всех газетах? Меня ж коллеги засмеют! Главврач аж взбеленился. Кудесником обозвал!

– Вот так всегда, – притворно взгрустнул политтехнолог. – Сделаешь доброе дело, а тебе – выговор... А я, между прочим, за каждую статейку ответсекретарям редакций по сто долларов отстегнул. За то, чтоб на первых полосах информацию о чудесном докторе разместили. Вот и посчитай, во что мне это обошлось. Сто баксов – на семь газет.

– Это ж... Это ж двадцать тысяч рублей! – подпрыгнул на пассажирском сиденье Корнев. – За такую фигию! За писанину! Да лучше б мне эти доллары отдал... На худой конец, пропили бы их вместе...

– Как говорила моя бабушка, кто раньше встал – того и тапки! – усмехнулся Минусов. – Правой рукой он достал из бардачка початую пачку «Кэмэла», выщелкнул сигарету, закурил, предложил доктору, – угощайся. Это настоящие, американские. Пять долларов. В ваших киосках таких не продают... Да... Публикации в газетах – это, брат, не фигия, а начало твоей избирательной компании. Первый этап которой – добиться узнаваемости кандидата, то есть тебя, населением. Кто сейчас знает доктора Корнева в городе?

– Ну... многие. Всё-таки я столько лет оперирую...

– Многие – это сколько? Триста человек? Пятьсот? А в твоём избирательном округе, в областном центре с пригородом, я узнавал, проживает без малого шестьсот тысяч населения! И надо, чтобы о твоём существовании узнал каждый из них. И на всё про всё в нашем распоряжении – два месяца.

– А потом?

– Через два месяца каждый избиратель, получив бюллетень, и найдя там твою фамилию, должен вспомнить: «А-а, это тот самый Корнев – хирург – золотые руки! Как же, как же, помню. Читал. И по телевизору видел...» А операция на сердце, спасение смертельно раненного – прекрасный информационный повод. Это... красиво! И запоминается.

– А почему во всех газетах – одно и то же? Кто-то прочтёт в одной, другой, и скажет: халтура!

– Не-е... – мотнул головой Минусов. – Сейчас ведь не советские времена, когда каждая семья по десятку изданий выписывала. Теперь читают одну газету, от силы – две. В вашем городе издаётся семь газет. Вот в каждой о тебе и прочтут.

– А почему во всех семи? Не многовато ли? – не отставал Корнев.

– Наоборот, мало! Но я ж говорю – это только начало. Ты, доктор, в наших делах плохо разбираешься. Так что учись. Политтехнологи давно подсчитали, что в среднем статью в газете,

сюжет на телеканале или по радио слышат и видят не более трёх процентов населения. Значит, статью о чудо-хирурге в семи газетах прочтёт всего-то двадцать один процент жителей вашего города. А нам надо все сто! Что б запомнили – рассказать о тебе потребуется раз десять. Так что впереди у нас огромная работа со средствами массовой информации. Будут ещё статьи, интервью, теле радиопередачи. Через два месяца тебя каждая собака в городе знать будет!

– Мне работать надо, – охладил пыл собеседника Корнев. – Семью кормить.

– Возьмёшь отпуск без содержания. Отпускные... г-м-м... беру на себя. Для начала две тысячи долларов. Устроит? А дальше – ввяжемся в драку, посмотрим.

– Шестьдесят ты-ы-сяч! – протянул удивлённо доктор. – Зарплата приличная. Грех отказываться.

– А ты и не отказывайся, – усмехнулся Минусов и, приоткрыв боковое окошко, выбросил окурок.

Машина свернула с центральной улицы и подкатила к бетонной громаде свечкой застывшей среди жилого микрорайона шестнадцатизэтажке.

– И куда мы приехали? – любопытствовал Корнев, выбираясь вслед за Минусовым из салона.

– В штаб. Пора тебе познакомиться с людьми, которые будут ковать нашу победу! – не без пафоса изрёк политтехнолог.

И пока они возносились на громыхавшем подозрительно лифте, поучал доктора:

– Стратегические цели нам, Геннадий Михайлович, вполне ясны. Это захват власти... Точнее, одного из многочисленных кресел в органе представительной власти... и выход в общероссийское политическое пространство.

– Ничего себе – ясны, – поёжился доктор. – И что я на этом пространстве делать буду?

– Это-то как раз и не главное, – отмахнулся политтехнолог. – У нас, как известно, любая кухарка может управлять государством. И управляли – придурки, алкоголики, маразматика. А ты – нормальный, вменяемый мужик, к тому же врач! Сумеешь. Да и найдутся умные люди, подскажут, когда время для принятия решений придёт... А вот с тактикой сложнее. Тактика, брат, это и есть то, чем нам предстоит заниматься всю выборную компанию. Говоря научным языком, тактика – это система мероприятий, проводимых для захвата и удержания политической власти. Понял? —Внимательно всмотревшись в лицо Корнева, Минусов хлопнул его ободряюще по плечу: – Ладно. Потом поймёшь.

Как-то особенно угрожающе громыхнув, лифт вздрогнул и остановился, со скрежетом раздвинув створки дверей.

– Приехали! – И политтехнолог первым шагнул на мрачную, плохо освещённую лестничную площадку.

7

Предвыборный штаб, который представлялся Корневу сродни военному: с часовым, или, на худой конец, строгим вахтёром у входа, чередой кабинетов с плотно прикрытыми, обитыми для звуконепроницаемости дерматином дверями, с разноголосой трелью телефонных звонков, и снующими торопливо по коридору этими... как их... вестовыми что ли, оказался при ближайшем рассмотрении заурядной, обшарпанной конторой, по-новомодному – офисом.

На пятнадцатом этаже высотки фирмы и фирмочки обосновались плотно, словно пчелиные соты. В одной из таких ячеек, за дверью, врезанной в фанерную перегородку, и находился штаб. Отпечатанная на принтере табличка извещала, что здесь располагается общественный комитет «Горожане – за честные выборы».

– Где-то я про эту контору слышал, – кивнул на табличку доктор. – И лозунг насчёт честных выборов на глаза попался.

– Это наша крыша, – вполголоса пояснил Минусов. – Такие шараги во многих регионах накануне выборов открываются.

– И кто их открывает?

– Да мы, политтехнологи. Ну, не афишируясь, конечно... Дескать, есть группа людей, которая болеет душой за то, чтобы выборы в их городе, области проходили честно, без использования грязных технологий...

– А на самом деле?

– А на самом деле именно в таких конторах разворачивается незаметная стороннему глазу работа по проталкиванию во власть определённого кандидата. Под крышей общественной организации, пока официальная избирательная компания ещё не объявлена, удобно проводить социологические исследования, замерять рейтинги местных политиков.

– Хитро, – цокнул языком Корнев.

– Да не слишком, – усмехнулся Минусов. – Конкуренты-пиарщики такие примочки вмиг распознают и принимают меры контрпропаганды... Ну да ладно. Тебе в эти тонкости пока рано вдаваться. Войдём.

Оплот «честных выборов» изнутри выглядел так же неказисто, как и снаружи. Три старомодных канцелярских стола и продавленный диван с потёртой обивкой, шаткие «венские» стулья эпохи развитого социализма, громоздкий, густо намазанный тёмно-коричневой масляной краской сейф, – всё свидетельствовало о том, что здешние обитатели не рассматривают это помещение в качестве длительного прибежища. Сиротскую бедность обстановки частично компенсировали ярко светящиеся мониторы компьютеров, стрекочущий бойко факс, массивный ксерокс и прочая оргтехника, которые придавали убогому кабинету черты современного офиса.

Двое мужчин, до того сидевшие за компьютерами, встали по-военному при виде вошедшего Минусова, а расположившаяся на диване пожилая женщина с девической, не по возрасту косичкой, украшенной огромным, как георгин, бордовым бантом, жеманно, будто для поцелуя, протянула старческую, наманикюренную кисть:

– Здра-а-вствуйте, Олег Христофорович...

– Как обстановка? – небрежно тряхнув руку вычурной старушки, поинтересовался вместо приветствия политтехнолог.

– Работаем, – сдержанно пояснил крупный, с блестящей солидной лысиной, похожий на актёра Моргунова мужчина.

– Молодцы! – похвалил Минусов, и подтолкнул замешкавшегося у порога доктора вперёд. – Знакомьтесь. Наш кандидат Корнев Геннадий Михайлович. Выдающийся хирург и замечательный человек!

– Будет вам... – скромно потупился тот.

– О-о! Какой типаж! – всплеснула руками старушка на диване. – Какая фактура! Я его себе таким и представляла!

– А это, так сказать, наши товарищи по оружию, – указал Корневу на обитателей кабинета политтехнолог.

– Сергей Иванович Бурдомагин, – с грохотом отодвинув стул, первым представился невысокий мужчина с неожиданной для его лица окладистой, будто приклеенной бородой. – Журналист, член Союза российских писателей.

– Наш спичрайтер, – снисходительно похлопал его по плечу Минусов. – Это он давеча статью про тебя написал. Талант!

– А что? Не отрицаю! – самодовольно огладил бороду журналист. – При том фактаже, что у меня был, материал получился занятным. «Сердце на шампуре»! – с пафосом процитировал он название статьи. – Броско, читабельно!

Скрипнув половицами, к доктору подошёл слоноподобный дядька. Протянул для рукопожатия крупную короткопалую лапищу.

– Аркадий Семёныч, социолог. По совместительству психолог и специалист по политической рекламе.

– У нас, знаешь ли, полная взаимозаменяемость, – пояснил Минусов. – Штаб невелик, но каждый сотрудник работает по двум-трьём специальностям. Вот Маргарита Львовна, – он, растянув губы в улыбке, благосклонно кивнул в сторону старушки с бантом. – Имиджмейкер, театральная режиссёр, актриса. Будет с тобой, Геннадий Михайлович, в главной роли спектакли ставить.

– Спектакли? – поднял брови Корнев.

– Увы, мой друг, весь мир – театр, – кивнул политтехнолог, а престарелая актриса, на удивление легко вспорхнула с дивана, схватила за руку доктора и принялась теревить, воркуя:

– О-о, какая сильная, мужская рука! Мощная, функциональная! Мы с вами такие представления разыграем!

– Насчёт представлений мы не договаривались, – осторожно пытаюсь освободить захваченную бесцеремонно старушкой руку, обернулся к Минусову Корнев.

– Да ты что! – возразил тот. – Вся политика – сплошной театр. Любое выступление – это моноспектакль. Депутат, министр, президент – всё это театр одного актёра. Сатириконт! Аркадий Райкин!

Отставная актриса тем временем плотоядно тискала руку Корнева, воркуя с придыханием:

– Избиратели – это публика. Публику можно очаровать. Публику можно соблазнить. Публику можно влюбить в себя. Публику можно изнасиловать. Да, изнасиловать! Если вы хороший актёр, публика – ваша! Возьмите её!

Корнев наконец освободил правую руку из цепкой и сухой, словно куриная лапка, ладони старушки, и опасливо спрятал за спину.

– Под руководством Маргариты Львовны тебе придётся изучать риторику и отрабатывать технику публичных выступлений, – перевёл на понятный язык страстный монолог отставной актрисы Минусов, и предложил всем радушно. – Присаживайтесь, друзья.

После того, как все расселись по скрипучим стульчикам, а Корнев провалился рядом с отставной актрисой в продавленный диван, Минусов, небрежно сдвинув какие-то бумаги, опустился на угол канцелярского стола, и таким образом, даже сидя, как бы вознёсся над окружающими.

– Итак, друзья, мы с вами подошли к самому ответственному этапу нашей работы – началу избирательной компании, – принялся вещать он, словно перед ним находилось

не четыре человека, а, как минимум, сорок. – Начальный этап всякой избирательной компании характеризуется, как известно, растущим в обществе напряжением...

И хотя Корневу это было абсолютно неизвестно, он на всякий случай кивнул озабоченно: знаем, мол, чувствуем...

– Народ полон ожиданий, – продолжал между тем политтехнолог, – если не мессии, то его наместника на земле, который придёт и решит все проблемы. Повысит уровень жизни, снизит преступность, заставит чиновников повернуться лицом к простым людям... М-да... Об этом чуть позже. А пока в округе уже определился круг претендентов на депутатский мандат, наметились фавориты и аутсайдеры. Что касается нашего кандидата, – Минусов благосклонно кивнул в сторону Корнева, – то о нём пока не знает никто. Он – тёмная лошадка, на которую до поры ставим лишь мы с вами. И которая, неожиданно для всех, через два месяца первой придёт к финишу!

Престарелая актриса зааплодировала, и все, включая смущённого Корнева, тоже вяло похлопали.

– А сейчас нашему кандидату необходимо заявить о себе, позиционироваться в политическом пространстве, – Минусов достал из кармана «Кэмэл», закурил, стряхивая пепел в угодуливо пододвинутую журналистом пустую банку из-под кофе. – Но сделать это следует исподволь, незаметно для конкурентов. Чем дольше мы продержим паузу, тем меньше грязи выльют соперники на нашего уважаемого Геннадий Михайловича...

Корнев поймал на себе сочувственный взгляд слоноподобного социолога и поёжился, словно эта грязь – холодная, липкая – уже пролилась на него, побежала тонкой струйкой за шиворот.

– Наша задача на данном этапе, – вещал политтехнолог, – сделать доктора Корнева максимально узнаваемым для избирателя. При этом как можно дольше, до последних дней регистрации, по крайней мере, скрывать его намерение баллотироваться в депутаты Государственной Думы. Конечно, наши соперники не дремлют, и они уже наверняка обратили внимание на серию публикаций в местных газетах о чудо-хирурге...

Тщедушный журналист при этих словах самодовольно огладил бороду.

– Завтра же приступим к съёмкам телевизионного фильма о докторе Корневе. Что-нибудь вроде «Талант, отданный людям», – продолжил Минусов. – Минут на десять.

– Или «Жизнь для людей» – вставил журналист.

– Это обо мне? – растерянно уточнил Корнев.

– Естественно, – политтехнолог бросил дымящийся окурок в банку. – В городе вещают четыре телеканала. Прокрутим фильм на трёх коммерческих, позже, с началом официальной избирательной компании – на государственном. Политическая реклама пока запрещена, поэтому наше кино должно быть нейтральным – просто рассказ о хорошем человеке, специалисте своего дела. Никаких намёков на грядущее депутатство, на выборы.

– Но я же работаю, – несмело напомнил доктор. – Когда мне в кинофильмах сниматься?

– А мы на работе и снимем, – успокоил Минусов. – В естественной, так сказать, обстановке. Но это завтра, а сегодня поговорим о тактике проведения избирательной компании. Я понимаю, – обвёл он взглядом присутствующих, – многое из того, о чём я буду сейчас говорить, вам известно. Однако повторение – мать учения. Да и Геннадий Михайловичу, человеку в нашем деле не искущённому, будет небезинтересно послушать. Да, и ещё, – Минусов добродушно улыбнулся. – Чтобы сразу расставить все точки. Разговоры о свободе, вольнодумстве и демократии оставим для обывателей. Дисциплина в моём штабе среди сотрудников должна быть железная. Сталинская. За это я плачу вам хорошие бабки. Поэтому все мои указания должны исполняться беспрекословно, точно и в срок. И так, Аркадий Семёнович, доложите обстановку, – обратился он к социологу.

Тот тяжело поднялся, одёрнул задравшийся на барабанном животе пиджак, достал из прозрачной пластиковой папочки компьютерную распечатку и, дальнозорко отставив от себя листок, принялся читать.

– При массовых исследованиях, проводимых нами среди так называемых «простых людей», мы сталкиваемся с проблемой, которую я бы обозначил термином «немота народа». Простые люди с большим трудом излагают своё видение политической ситуации в городе, области и стране в целом, не умеют её оценить, не имеют чётких политических предпочтений. Тем не менее, благодаря разработанной мною уникальной методике... так сказать, ноу-хау...

– Ближе к делу, пожалуйста, – бесцеремонно окоротил его Минусов.

– Э-э... – запнулся Аркадий Семёнович. – В результате уникальных – я всё-таки подчеркну этот факт – исследований, проведённых путём опроса пяти тысяч респондентов из числа горожан... Технические подробности этого чрезвычайно трудоёмкого процесса я опускаю... – с некоторой обидой посмотрел он на Минусова.

– Ваши технические подробности обошлись мне в пять тысяч баксов. По доллару за человека, – напомнил тот.

– Увы, демократия – вещь дорогостоящая, – парировал толстяк, и продолжил: – В результате исследований мне удалось выявить тип идеального кандидата, за которого готовы проголосовать сорок шесть процентов женщин, и тридцать восемь процентов мужчин. Идеальный кандидат по представлениям жителей этого избирательного округа – лицо мужского пола в возрасте от тридцати до сорока пяти лет, высокий, не страдающий ожирением, – социолог машинально погладил себя по выпирающему животу, – седовласый, гладковыбритый, с высшим образованием, предпочтительно – врач, лучше хирург. – С видимым трудом Аркадий Семёнович поклонился в сторону Корнева. – У идеального, в представлении населения, кандидата должна быть жена, один или двое детей, престарелые родители – желательно из числа трудовой интеллигенции: бывшие медработники, учителя, инженеры. Наш идеальный кандидат – хороший семьянин, заботливый сын. Он не слишком много зарабатывает, имеет автомобиль отечественной марки, предпочтительно «ВАЗ» пятой, шестой или седьмой модели, не курит, не часто и умеренно выпивает. Да, ещё что касается внешности. В этом городе почему-то не любят лысых и бородатых.

Журналист смущённо хихикнул.

– К нашему кандидату это не относится, – строго глянул на него Минусов. – А вот от курения на публике, Геннадий Михайлович, придётся отказаться.

– Да я не часто, мне пачки сигарет на два дня хватает, – виновато оправдывался Корнев.

– И всё же, – с нажимом произнёс политтехнолог, и доктор кивнул с готовностью.

– Теперь о политических предпочтениях, – продолжил, заглядывая в бумажку, социолог. – Их нет. Вернее, политические пристрастия есть, но особой роли при голосовании не играют. Главное, что бы наш кандидат не был сторонником правых идей, не позиционировал себя с партией СПС и их лидерами – Немцовым, Чубайсом и прочими. Он должен лояльно относиться к президенту Путину, при этом активно критиковать политику правительства страны, особенно в социальной сфере. Предвыборную программу кандидата в депутаты Государственной Думы намерены внимательно изучить лишь три процента опрошенных, тем не менее, по мнению шестидесяти двух процентов респондентов она должна быть, и обязательно включать в себя пункты с набором обещаний социальных льгот малоимущим и пенсионерам – по оплате жилья, лекарственных средств, пользование автотранспортом. Короче говоря, иметь чёткие патерналистические признаки.

– Патер... какие? – переспросил Корнев.

– Патерналистические, – снисходительно пояснил ему социолог. – Патер – по латыни отец. Патернализм – отеческая забота государства о подданных... В общем, в этом роде. У меня всё.

– Прекрасно! – подытожил Минусов. – Практически по всем параметрам наш кандидат соответствует представлениям избирателей о том, каким должен быть депутат Государственной Думы. Нам остаётся совсем немного – представить Геннадия Михайловича тем идеалом, который воплотит в себе все чаянья горожан. Теперь о кино. Сергей Иванович!

– Я! – подскочил журналист.

– Что у нас по телевизионщикам?

– Ваши финансовые условия их устроили...

– Ещё бы! – хмыкнул Минусов.

– Телеканал «Орбита» завтра выделяет съёмочную группу в составе оператора, видеоинженера и режиссёра...

– Сценарий готов?

– А как же! Правда, в общих чертах. Нужна биография кандидата, всяческая лирика – где вырос, учился... А видеоряд пока просматривается такой. Геннадий Михайлович идёт по улице в толпе горожан. Голос за кадром: он такой же, как вы. Неотличим внешне от вас. Но на счету этого неприметного внешне, но обаятельного человека – тысячи и тысячи спасённых жизней. Он – неизвестный герой нашего времени, когда внимание публики привлечено к похождениям эстрадных звёзд, криминальных авторитетов, продажных политиков... Потом следуют кадры: Корнев в операционной, в палатах у постелей больных, среди коллег. Пациенты рассказывают о том, как излечил их чудесный доктор... Двоих вчера уже записали.

– Это кого? – заинтересовался Корнев.

– Да вы их не знаете, – отмахнулся журналист.

– Как не знаю? Своих пациентов? – изумился доктор.

– Ну... они не совсем ваши пациенты... – замялся Сергей Иванович. – Я за двадцать баксов двух мужиков нанял. Текст им подсунил, они и пересказали его... с выражением. О том, какие тяжёлые травмы перенесли, как вы им жизнь спасли, а потом выхаживали, ночи напролёт от их коек не отходили... Здорово получилось. А завтра мнение ваших коллег запишем, главврача...

– Тоже подставных, с улицы? – съехидничал Корнев.

– Зачем же? – журналист обидчиво вздёрнул бороду. – Настоящих!

– А вдруг они обо мне ничего хорошего не скажут? – упрямылся доктор.

– Двадцатью баксами здесь, конечно, не отделаешься, – согласился Сергей Иванович. – А за триста – наговорят всего, чего я им надиктую.

– Ты деньгами-то чужими не шибко разбрасывайся! – попенял ему Минусов. – Хватит с докторов и двухсот долларов за глаза! Им и ста достаточно, а ещё сотню приплатишь за артистизм и это, как его... вдохновение!

– У нас артисты драмтеатра сто долларов за месяц работы получают, – вставила старушка с бантом. – Такая ставка у рядового актёра. У ведущего, конечно, побольше. Долларов двести...

– Вот-вот, – согласился Минусов. – Большие деньги людей развращают. Художник должен быть голодным!

– А главврача моего вы за сколько купите? – азартно поинтересовался Корнев.

– За триста, наверное, – пожал плечами журналист. – В крайнем случае – за пятьсот. – Он вопросительно воззрился на Минусова, но тот промолчал, и Сергей Иванович выдохнул окрыленно: – Да сторгуемся, не впервой!

– Вот и добро, – согласился Минусов благодушно. – Я сейчас убываю по делам, а Геннадий Михайлович остаётся в вашем распоряжении. Сначала займитесь его биографией, подкорректируйте, если потребуется. Потом вы, Маргарита Львовна. За вами – урок сценического мастерства. Порепетируйте для начала что-нибудь простенькое – умение держаться в кадре, манеру речи, жесты, жестикуляцию... Насчёт одежды определитесь – костюмчик, галстучек... Ну, не мне вас учить!

8

Написание автобиографии оказалось вовсе не таким простым делом, как это представлялось Корневу.

Бородатый журналист усадил доктора рядом с собой за обшарпанный стол и, пододвинув ближе к себе клавиатуру компьютера, защёлкал по кнопкам, одновременно объясняя суть стоящей пред Корневым задачи.

– Подсчитано, что знакомство с биографией кандидата позволяет примерно двадцати процентам избирателей принять решение, стоит голосовать за него, или нет. Поэтому, если подойти к делу неумело, с кондачка, можно ещё на старте предвыборной компании потерять шанс на победу.

К удивлению доктора, к участию в составлении его биографии, которая казалось ему свершившимся фактом, подключились все находящиеся в кабинете. Первая же строка вызвала ожесточённые споры.

– Я родился в городе Львове, в 1965 году, – сообщил Корнев, – в семье инженера...

– Стоп! Стоп! – в ужасе вскочил толстый социолог. – Это катастрофа!

– Почему? – вздрогнул от неожиданности доктор.

– Ага! Ещё объявите, что вы родом из Тель-Авива! Вы что, с ума сошли?! – негодовал толстяк.

– Да нет... Я без всякой задней мысли... – растерянно оправдывался Корнев. – У меня родители местные, но в момент моего рождения жили на Украине. Папу туда по распределению после окончания политехнического института направили. На завод. Помогать братской республике. Это ж во времена СССР было! Нормальный факт биографии.

– Не нормальный! – яростно сопел социолог. – Исходя из этого факта получается, что вы – варяг! Засланный, можно сказать, казачок! Да вас наши противники бандеровцем изобразят! И Крым с Севастополем, оттяпанный у России, припомнят!

– Ерунда какая-то, – встряхнул головой Корнев. – У меня и фамилия русская...

– Нет, Аркадий Семёнович прав. Здесь есть над чем задуматься, – согласился с социологом журналист. – В нашем деле все сомнения – в пользу корректировки. Та-ак... А родители ваши, говорите, здешние?

– Отсюда, с Нижнеуральска. Мне три года исполнилось, когда они в родной город вернулись.

– Вот и чудненько! Так и запишем: коренной нижеуралец! И по сути – правда, не подкапашься, и звучит э-э... вполне патриотично! – журналист быстро защёлкал ловкими пальцами по клавиатуре.

Так же тщательно, цепляясь к каждому слову, оттачивая формулировки, обсудили все этапы жизненного пути будущего кандидата в депутаты. Месяц военных лагерей на финише учёбы в мединституте обернулся в ненавязчиво упомянутую «службу в рядах Вооружённых Сил». Практика в областной больнице, которую проходили все молодые врачи-интерны, в интерпретации журналиста обозначилась «стажировкой в лучших клиниках страны». Три года отработки в районной больнице, куда Корнева направили по распределению, стали «работой в сельской глубинке».

Долго думали над хобби кандидата, сходу отметя рыбную ловлю, коллекционирование марок и чтение художественной литературы, как слишком банальные, не имеющие общественной значимости. Корнев, у которого к стыду, вовсе не было никаких увлечений, кроме работы и просмотра в свободное время, дома, лёжа на диване, телепрограмм, вовремя вспомнил, что когда-то, в бытность его районным хирургом, одна пожилая пациентка подарила ему старый несессер с набором инструментов своего дедушки – земского врача. И теперь эта сумка

дала возможность, не слишком кривя душой, записать в автобиографии кандидата необычное и солидное хобби – «коллекционирование старинных медицинских инструментов».

Затем за доктора взялась престарелая актриса. Маргарита Львовна долго выпрямляла ему осанку, отчего Корнев, неестественно выгнув спину, стал ходить по кабинету, словно командир полка перед личным составом на строевом смотре, учила его энергично вставать со скрипящего протестующе стула, а потом садиться, небрежно откинув полу пиджака.

– Ни в коем случае не скрещивайте на груди руки, не кладите ногу на ногу, – с мольбой в голосе причитала она. – Так вы демонстрируете не позу независимого человека, – победителя по натуре, а закрытого перед собеседниками циника. Вы должны показывать окружающим не агрессивное превосходство, а свою расположенность к ним, сочувствие, понимание. Дело в том, что восприимчивость к жестикеляции глубоко заложена в сознании слушателя. Ведь руки, как и речь, определили переход человека на высшую ступень развития! В сочетании со словами жесты тоже говорят, усиливая эмоциональное звучание сказанного. Учтите, что речь оратора, не пользующегося жестами даже если она льётся гладко, оставляет осадок недоверия. А вот осмысленная и выразительная работа рук от кистей до самых плеч создаёт впечатление мужественной силы, уверенности, достоверности. Однако избегайте произвольных жестов. Прибегайте к жесту по мере ощущения потребности в нём. И запомните: далеко не каждая фраза нуждается в подчёркивании жестом, а только самая важная, ключевая. Присядьте, – чуть задохнувшись, предложила отставная актриса. – Теперь положите руки на колени ладонями вверх, ноги поставьте ровно. Вот так. Научитесь сидеть в такой позе непринужденно. Она будет свидетельствовать о вашей открытости, доброжелательности. Беседуя с человеком, «отзеркаливайте» его жесты, повторяйте их как бы невзначай. Тем самым вы подчеркнёте интерес к разговору с ним, вызовете к себе его расположение. Никогда, произнося речь, не прикрывайте рукой рот, не трите пальцами нос, ухо, глаз – такие движения свидетельствуют о лживости...

Теперь о том, как надо стоять, – продолжила Маргарита Львовна. – Ноги расставьте на десять-двенадцать сантиметров. Одна стопа выставлена чуть вперёд. Так. Вам удобно? Колени гибки и податливы. В плечах и руках нет напряженья. Голова и шея несколько выдвинуты вперёд по отношению к груди. Нет, не так явно, а то вы, простите, похожи на гусака... Грудь – будто на вдохе, живот подтянут... Но при этом вы должны дышать спокойно! Ходьбу по сцене лучше начинать с полушага. Попрактикуйтесь отступать на шаг вправо... Теперь влево... Назад. Следите за центром тяжести...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.